

Ростовская Старина

Выпуск Ростовского отделения ВООПИК
и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 114

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

Воспоминания Дмитрия Дмитриевича Коперина

Я, Дмитрий Дмитриевич Коперин, родился в 1927 г. в Ростове. По рассказам своего отца Дмитрия Федоровича знаю, что предки мои были купцы не из самых бедных, занимались сапожным ремеслом – скупали кожу в уезде (в част-

ывали выйти перед строем, и ему объявили, что пришла телеграмма из Ростова – Федор Иванович умер. Отец добирался до Ростова две недели, конечно, на похороны не успел, и все без него разделили, а было много разных за-

градками возилась. Отец работал сапожником; а мать никогда не работала. Во время ярмарки мы пускали на постой барышников, и нам этих денег на весь год на все хватало. Ярмарку я еще очень хорошо помню, возле нашего дома, не доходя до Введенской, был конный торг, и вдоль дороги стояли вбитые в землю столбы для привязи лошадей. Нас, детей, на ярмарку одних гулять не отпускали, очень уж было многолюдно. И так интересно: балаганы ставили, мороженое продавали, а где теперь ресторан “Теремок”, всегда устанавливали карусели! Город тогда совсем другой был, соседние дома еще все на своих местах стояли. Если лицом стоять к нашему дому, то справа, № 55 – был Мясниковых, 54 – Шаховых (очень богатые были), их же каменный флигель (существует до сих пор). Угловой № 1/53 – новый, его перед войной Рольма построила на месте пивной. Напротив пивной – дом Мальгиных (теперь сломан), в каменном 2-этажном была колбасная.

Слева от нашего дома (теперь уже все номера перепутаны) были дома Скатерниковых, Тороповых, на углу с Введенской (где сейчас Казначейство) – дом врача Розанова. Далее близ угла ул. Декабристов у бывшей Автоколонны – дом знаменитого финифтяника, у него была мастерская. Вот в его доме в 1960-е годы мальчишки играли, оторвали доску и нашли за обшивкой стены клад золотых монет.

Копериных в Ростове раньше было много, а теперь эту фамилию ношу я один. Из всех моих родных осталась одна сестра в Москве. У нее очень интересная судьба – в девушках она была домработницей у академика А.Н. Несмеянова. Он наш родственник, женат на дочери двоюродного брата моего отца, так что и Катю взяли в их дом не случайно. Теща Несмеянова Варвара Александровна к нам относилась по-родственному, Катя всегда кушала с нами за одним столом. Я однажды побывал у них в гостях, в их московской квартире. Это было после войны, в 1946 г. Я тогда был молодой, оделся в самый свой лучший костюм, купил на рынке им подарки (в моем понимании, самые лучшие – хлеб, лук, чеснок), и пошел по адресу. Нашел их дом, квартиру, стал стучать. Вышла Варвара Александровна, смеется: “Что же ты, Димочка, стучишь, вот ведь звонок”, – а я звонок никогда в жизни еще не видел. Повела меня в ванную, там все белоснежно – “мойся, вода горячая”. Не стал, застенялся. Развернул подарки – не взяла, сказала: “Вам это нужнее, отвези домой”. Показала мне квартиру – спальня, гостиная, кухня огромная, столовая, библиотека – книги до самого потолка в шкафах, на полках, и лестница, чтобы самые верхние можно было достать; всего семь комнат. Пришел Александр Николаевич, сели обедать, и меня посадили за стол, как родственника (Катюного брата). Суп подали какой-то необыкновенный, колбасу. Приглашали еще в гости приезжать, но я больше не решился, чувствовал

мечательных вещей, и золота, но ему ничего не досталось. Он тогда очень обиделся, уехал, и вернулся домой только в 1920 г. Было ему

Носитель старинной ростовской фамилии

Николай Михайлович Шапов (1881-1960), имевший ростовские корни, известный ученый-гидротехник, профессор Московского инженерно-строительного института, Всесоюзного института гидромашиностроения, доктор технических наук, автор 8-ми монографий и учебников по специальным разделам гидротехники, посвятил Ростову целый ряд страниц своей книги “Я верил в Россию”, вспоминая и сам город, и ежегодные в Ростов поезда, и своих родных.

“Среди моей родни в Ростове были тогда две знакомые мне торговые семьи. Это, во-первых, семья моей тетки (сестры отца) Анны Ивановны Копериной. Эта патриархальная семья состояла из трех братьев; старшего, Николая Ивановича, семейного авторитета, с огромной седой бородой, потерявшего почему-то одну ногу и ходившего на деревянной; второго, Александра (мужа тетки), борода поменьше, с проседью; третьего, Федора, борода рыжеватая и еще меньше. Одноногий Николай тратил меньше двух других, семейных, почему и оказался в их общем деле наиболее богатым и потому авторитетным пайщиком. Александр имел трех сыновей и дочку, а Федор был многодетным, отчего был беднее, и более зависим. Жили они на Окружной улице в общем доме, торговали в центре города в каменных, конечно, холодных рядах, помнится, “в два раствора”, кожей и обувью”. Дела в лавке на всех “молодцов”, а в семье было много взрослых сыновей, не хватало, и они стали разлетаться – больше в Москву”.

Действительно, когда-то многочисленный, род купцов Копериных еще до революции себя в Ростове почти исчерпал. Ныне в городе живет единственный носитель этой старинной ростовской фамилии по мужской линии – Дмитрий Дмитриевич Коперин. Коренной ростовец, он сохранил очень интересные воспоминания о своей семье, о времени своего детства. Предлагаем их вашему вниманию.

ности, селе Ильинском за озером), сами шили обувь и продавали ее в собственной лавке (она находилась в холодном Гостином дворе). И сам

мечательных вещей, и золота, но ему ничего не досталось. Он тогда очень обиделся, уехал, и вернулся домой только в 1920 г. Было ему

я тоже сапожник, этим ремеслом владею, у нас эти способности наследственные. У моего деда Федора Ивановича (умер в 1914 г. 82-х лет, а как звали его отца по отчеству, не знаю) была большая семья: Иван, Василий, Николай, Михаил, Дмитрий (мой отец), Вера, Любовь. Все они есть на фотографии, точнее, это копия, а подлинная у сестры моей Екатерины Дмитриевны в Москве.

Фотография: 1-й (нижний) ряд, сидят: Михаил, Игорь (ребенок), Дмитрий. 2-й (средний) ряд, сидят: ребенок на руках Любови (в зам. Фастова), Федор Иванович, Анна Ивановна (жена Николая), Екатерина (жена Ивана). 3-й (верхний) ряд, стоят: подруга Веры, Вера (окончила женскую Мариинскую гимназию с золотой медалью), Алексей Андреевич Фастов (муж Любови, был начальником Казначейства), Николай, Иван.

Иван Федорович был женат на Шадринной из Поречья, они после революции уехали в Вологду. Их старший сын был в 30-е гг. первым секретарем Вологодского обкома партии. Младший сын – директор Архангельского лесотехнического института; у него есть научные труды.

Сам я деда, конечно, не застал, но отец рассказывал, что он был строгий, но все равно его, как младшего (он без матери рос), поизбаловали. В школу на Покровской, 13, возили в санках до 12-ти лет. К работе не сразу стали приучать. Семья деда жила в собственном доме на Окружной (теперь это дом № 56, этот дом построил мой прадед, но когда – не знаю). Еще до революции братья и сестры один за другим стали из дома уходить, а дом такой огромный, низ каменный, верх деревянный, 256 кв.м, и трудное его стало содержать, поэтому дед пустил квартирантов: Латышевых, Бутиных, Блохиных.

Когда началась I мировая война, отца взяли в армию. Он служил в Карпатах. Однажды приснился ему сон: голубь несет голову его отца, и она говорит: “Ты вот здесь воюешь, а я ведь умираю”. Наутро весь полк построили, отца

уже 28 лет (1892-1960), и вот нашли ему невесту, хорошую, простую девушку из крестьян из Пужболо, Елизавета Ивановна, ур. Коровина, на 10 лет его моложе. Дети пошли, и отец для жилья выбрал комнату теплее в нижнем этаже, говорил, будут маленькие подниматься по лестнице на 2-й этаж, падать, не дай Бог, расшибутся. В 1921 г. родился Николай (пропал без вести на войне), в 1923 г. – Валентина (уже умерла), потом в 1924 г. Екатерина (живет в Москве), а в 1927 г. – я. В 1930 г. дом у нас отняли, но нас не выгнали, оставили жить в наших комнатах. Тогда еще со двора была стеклянная терраса и “парадный” вход. Внутренняя лестница – черный ход. В первом этаже – столовая, две кухни, 5 комнат. Во втором – 6 комнат. После пожара 1932 г. терраса сгорела. Отца моего сразу посадили – якобы, это он поджег. Мать послала телеграмму родственнику в Вологду, который был секретарем Вологодского обкома партии, и отца освободили сразу же, по его звонку.

Террасу не стали восстанавливать, а построили лестницу на 2-й этаж сбоку дома (она до сих пор есть). При доме был большой двор, мощный булыжник, всегда чистый и сухой. На дворе был каменный флигель (его использовали под склад), за ним – погреб, по-то вместо него выкопали пруд; огромный сарай, где стояли коровы, лошади – ломовая (для базаров) и выездная. Ни сада, ни огорода никогда не было, и я не помню, чтобы моя мать с

себя очень скванно. И связь мы с Несмеяновыми не поддерживали. Знаю, что в Москве есть еще очень далекие родные, Шаповы. Но с ними мы тоже никак, кто они и кто мы. Саша Юревич (в музейной библиотеке работает) передала ксерокопии фотографий из книги Шапова, мы их храним.

В 1949 г. я женился на Лидии Михайловне Минеевой, у нас родились дочери Ирина (1950) и Нина (1956). В своем бывшем доме мы жили до 1970 г. Тогда я получил квартиру от воинской части, а в 1977 г. мы переехали в эту, где и сейчас живем. Из дедовского дома ничего у нас не сохранилось, вот только одна фотография.

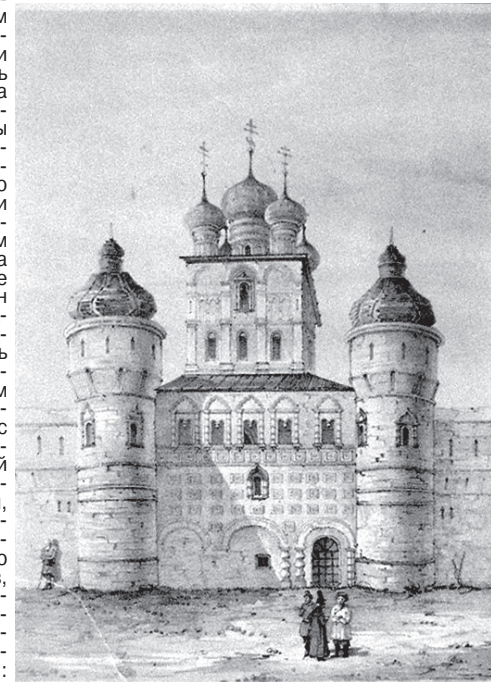
Публикацию подготовила
Е. Крестянинова.
На современном фото: справа -
Д.Д. Коперин и Л.М. Коперина.

Ростовский кремль в середине XIX века

Из дневника протоиерея Андрея Тихвинского

Дневник протоиерея Ростовского Успенского Андрея Тихвинского (1788 – 1867) – интереснейший документ, известный с середины XIX в., ставший предметом изучения историков, послуживший основным источником для биографов протоиерея. Однако, в основном, исследователей привлекала церковная, приходская жизнь, которой действительно принадлежит наиболее значительная и весомая часть дневниковых записей. Между тем, на страницах дневника, который он вел на протяжении почти 40 лет (с 1820 г., времени определения его на должность протоиерея собора), можно найти чрезвычайно интересные сведения о посещениях Ростова известными издателями, архитекторами, художниками в середине XIX в.

21 декабря 1849 года протоиерей сделал следующую запись: “был в Ростове издатель книги под названием “Русская старина” Алексей Александрович Мартынов (1820-1895. Московский археолог издатель “Русской старины в памятниках церковного и гражданского зодчества”); осматривал и описывал присланную к собору из архиерейских церквей – церковь Иоанна Богослова. Я подал ему мысль предположить для объединения исторических событий три церкви во имя Иоанна Богослова: одну на месте, где был идол Велес, и где ныне Авраамов монастырь; другую в Ростовском Архиерейском доме, где ныне находится каменная Иоанна Богослова церковь и где мог быть упоминаемый графом Толстым Иоанновский монастырь, и где могла быть церковь Иоанна Богослова, из которой перенесены были мощи святителя Леонтия после пожара; третью на месте встречи преподобного Авраамия с Иоанном Богословом на реке Ишне, в селе Богословском. Он имел печатный экземпляр, где описана сия церковь еще прежде Иваном Михайловичем Снегиревым и рисунок сей церкви с западной стороны, отпечатанный (ил. 1). Преосвященный Евгений, архиепископ Ростовский и Ярославский, у которого был Г. Мартынов, на листе печатном, где описывалась история преподобного Авраамия, написал: “Прошу Ростовского протоиерея Андрея показать все примечательное в Ростовском Архиерейском доме Его высокоблагородию Г. Алексею Алекс. Мартынову 1849 года

Дек 20

Нельзя подивиться, как Господа описатели древности Ростовских скоро делают свое дело. От этого происхождения неминусе погрешности. Надобно почитать все изданное в свет о Ростове, и ежели что найдено неисправно написанном, исправить. Спасибо, за то, что есть усердие к сохранению древности”.

О посещении Ростова профессором архитектуры, директором Дворцового Архитектурного Училища Федором Федоровичем Рихтером (1808-1868) с учениками в июле и августе 1849 года протоиерей записал: “... списывали копии с иконного стеного письма во всех Ростовского дома церквей, Воскресенской, Богословской и Спасской со всем тщанием и отличным искусством; при том делали для плана измерения и самый план, и дело сие окончили превосходно”.

В марте 1852 г. Ф.Ф. Рихтер обратился с просьбой в письме к протоиерею, также переписанном в дневник: “Ваше Высокоблагородие! Его Императорское Величество Великий Князь Николай Николаевич приказал мне соизволять, чтоб я узнал от Вас 1) Существоют ли в Спасской церкви, что на Сенях в Ростовском Кремле царские двери и где они хранятся? 2) В особенности замечательны ли они по красоте и искусству своему? Что предварительное знать необходимо при постройке подобной церкви в С.-Петербурге...”

“Ваше Высокоблагородие Милостивый Государь Федор Федорович! – пишет в ответном письме протоиерея А. Тихвинский, – ... честь имею отвечать Вашему Высокоблагородию что 1) Оные царские двери, хоть и в очень ветхом состоянии, но доселе существуют и могут еще служить вместо оригинала искусному живописцу для скопирования; хранят же оные в Воскресенской церкви в том же Ростовском Кремле и 2) Так же по красоте и искусству своему, каковое токмо свойственно иконам греческого письма, немного уступают другим образцам в том же роде, находящимся в Ростовском Успенском соборе...”

Подробно описано в дневнике посещение Ростова московским живописцем Д.М. Струковым (1828 – 1899). “1857 14 марта, – пишет протоиерей, – Дмитрий Михайлович Струков, придворный художник, путешествующий с билетом от министра Императорского двора, с предложением, что епархиальное начальство доставлять ему средства видеть древности; для снятия рисунков с чудотворных образов, перспективных видов внутренностей храмов, внешности их и пр. для издания журнала живописного Русской святыни.”

1857 марта 16 дня. День употреблен для сопровождения Г. Дмитрия Михайловича Струкова к Хлебникову, в Яковлевский монастырь, снова к Хлебникову. Этот художник имеет отличные способности в живописи. Делает наружные виды древних церквей и внутренне. Списывает копии с древних редких икон, пишет портреты; предполагает, с следующего года издавать журнал – Русской святыни. Сего 16 числа в субботу он предложил протоиерею Андрею Тихвинскому позволить для памяти и знакомства снять с себя портрет и очень удачно выполнил свое предложение к удовольствию и признательности протоиерея. Так же снял портрет с Яковлевского архимандрита отца Поликарпа. Сии памятники его искусства остались в Ростове; они будут ему служить во свидетельство его отличных способностей к сему делу. Он имеет жалованный от Государя императора перстень. Сего числа в 9 часов вечера после легкого ужина у протоиерея отправился на свою квартиру в Москву с многими приобретениями своих трудов – с видами святыни Собора, Яковлевского, Петровского и Девицкого монастырей... Записал найденные им иконы в соборной ризнице – Владимирскую, Тихвинскую и Николая Чудотворца с Чудесами и предлагал, что бы были вычищены и поставлены в соборе на видное место”. К сожалению, в настоящее время неизвестно местонахождение ни одного из исполненных в Ростове Д.М. Струковым произведений.

Благодаря дневниковым записям протоиерея Андрея Тихвинского стало известно, что литография “Кремль, или бывший Архиерейский дом” исполнена по его заказу. “Сего июля 1849, – пишет он, – были в соборе Донской архимандрит Фефан и Яковлевский Поликарп. При посещении я дарил архимандритов видам Ростовского Архиерейского дома, отпечатанными в Москве и присланными с книжкою ко мне в числе 200 экз. графом Михаилом Владимировичем Толстым”.

Посещение Ростова с его многочисленными памятниками архитектуры явилось отражением интереса к древнерусскому зодчеству в России в это время.

Т. КОЛБАСОВА.
На снимках: 1. Церковь Иоанна Богослова в Ростовском кремле. Литография. Середина XIX в.; 2. Кремль или бывший архиерейский дом. Литография. Середина XIX в. (репродукция А. Нестеренко).

Иконостас собора

Авраамиева монастыря

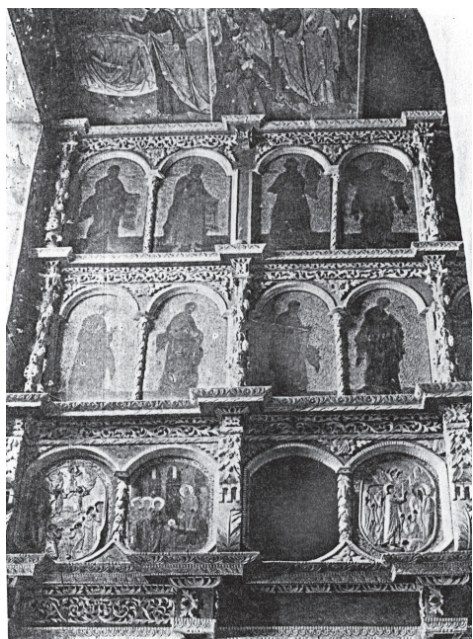
Иконостас Богоявленского собора Авраамиева монастыря был уничтожен во второй половине XX века. Теперь представить, как он выглядел, помогает лишь его фотография (см. фото), а письменные источники позволяют с редкой полнотой проследить историю его создания.

Предшествовавший иконостас названного храма сгорел в большом ростовский пожар в июле 1730 г. (от этого пожара сильно пострадал и весь Авраамиев монастырь). Сгоревший иконостас был пятирусным, резным, позолоченным.

Осенью того же года предпринимаются усилия для сооружения нового иконостаса Богоявленского собора. Работы по изготовлению иконостаса продолжались до 1734 г.

Таким образом, данный иконостас был создан в 1730-1734 годах. В его изготовлении принимали участие ростовские столяры Семен Борисов и Иван Васильев, резчик из Переславля Залесского Иван Исаев, а иконы для иконостаса написал ростовский художник Иван Дементьев сын Ворской. При этом надо иметь в виду, что на формирование художественного облика данного иконостаса, очевидно, оказала влияние власть Авраамиева монастыря и прежде всего его настоятель, архимандрит Гавриил (1730-1742).

Документы свидетельствуют, что большинство материалов, потребовавшихся для изготовления рассматриваемого иконостаса, закупались вне Ростова, преимущественно в Москве, а также частично в Ярославле и Суздальском уезде. В частности, в Москве были куплены важнейшие из таких материалов: золото, серебро, клей, левкас, краски (сурик, белила, бакан, ярь), олифа, флям (резные элементы иконостаса), кисти и тес. Меж-

ду прочим, привозимые в основном из Москвы материалы шли на изготовление первых резных иконостасов Ростова в 1690-х годах. Как видим, подобная практика существовала и в 1730-е годы.

Согласно описям Авраамиева монастыря, интересующий нас иконостас состоял (снизу вверх) из местного, праздничного, деисусного и пророческого рядов. Завершался иконостас Распятием с предстоящими. Следует подчеркнуть, что в состав оформления иконостаса в соответствии с духом времени были включены скульптурные изображения ангелов и херувимов.

Судя по фотографии 1920-х или 1930-х гг. (см. фото), иконостас Богоявленского собора имел довольно традиционную и даже отчасти архаическую для своего времени структуру. В плане он располагался по одной линии без каких-либо изгибов, столь характерных для эпохи барокко, в которую он создавался. Средняя осевая часть, судя по письменным источникам, очевидно, доминировала в общем художественном решении этого произведения. Интересно, что в те же годы, когда создавался рассматриваемый иконостас, происходило строительство иконостаса (1731-1740 гг.) ростовского Успенского собора. Более чем очевидно стилистическое сходство этих двух иконостасов. Нельзя исключать влияния на формирование облика иконостаса Богоявленского собора иконостаса главного храма города. Однако вполне возможно, что их сходство в значительной степени определялось местной традицией, которая сложилась еще в конце XVII - начале XVIII вв.

А. МЕЛЬНИК.

В.В. Верещагин в Ростове

13 апреля 2004 г. исполняется сто лет со дня смерти Василия Васильевича Верещагина (1842-1904). Выдающийся русский художник погиб во время русско-японской войны и погребен в морской пучине вместе с броненосцем "Петропавловск". На рубеже 1880-90-х гг. его творческая жизнь была тесно связана с Ростовом. 29 декабря 1887 г. находившийся в зените славы и европейской известности, В.В. Верещагин приехал сюда и пробыл, с небольшим перерывом, до 24 февраля 1888 г. Ростов был первым пунктом в его творческой поездке в Ярославль, Кострому, Макарьев, Юрьевец. Незадолго до того вернувшись в Россию после длительных зарубежных путешествий, он был, по словам одного из историков искусства, "глубоко увлечен миром национальной старины, погружен в изучение древнерусского зодчества". В этом "мире", как писал сам художник, для него открылись не только "образцы труда, знания и искусства целых столетий", но и источник, "способный питать современную художественную практику". В Ростове его внимание привлек и Музей церковных древностей, располагавший интересной коллекцией предметов старины, прикладного искусства, разнообразной утвари. Здесь же произошло знакомство Верещагина, переросшее в дружеские и деловые отношения, с одним из основателей и фактическим руководителем музея Иваном Александровичем Шляковым (1843-1919) - деятельным участником реставрации здешнего кремля, ученым-исследователем, действительным членом Императорского Московского археологического общества. Новый ростовский знакомый художника был хорошо известен среди современников и как гостеприимный хозяин, принимавший в музее и в своем доме на Ярославской улице многочисленных гостей города.

Почти два зимних месяца 1888 г., проведенные В.В. Верещагиным в Ростове, оказались весьма плодотворными. Тогда им были написаны картины "Улица в городе Ростове при закате зимой", "Князь терема в Ростовском кремле", три интерьера деревянной церкви Иоанна Богослова на Ишне. Эти произведения были представлены в апреле того же года на персональной выставке художника в Париже, а осенью - в Нью-Йорке. Сейчас известно местонахождение лишь двух из этих работ. Они хранятся в Русском музее в Петербурге, по своим живописным качествам принадлежат к числу лучших его произведений и исключительно высоко оцениваются историками искусства.

Картина "Иконостас церкви Иоанна Богослова на Ишне близ Ростова Ярославского", по справедливому мнению искусствоведа А.К. Лебедева, "один из прекраснейших этюдов Верещагина зрелой поры его творчества. На нем изображен интерьер с уходящим вглубь полотно иконостасом, золочеными царскими вратами изумительной древней работы, подсвечниками и иконами, освещаемыми сбоку. Этюд очень красив. В нем с исключительными мастерством и убедительностью передано пространство, воздух, игра золотых и серебряных, переливающихся и искрящихся на свету предметов, их рельефность, материальность. Строгий рисунок, четкая перспектива, лежащие в основе этюда, дают возможность прочитать каждую деталь, каждую мелочь на полотне. Этюд при этом не несет отпечатка сухой, скучной графичности. Наоборот, свободная, легкая, смелая манера письма, приглушенные, сдержанные, но горящие на свету краски дают этюду аромат неповторимого артистизма и эстетического обаяния". Второй интерьер того же храма "отличается, при внешней скромности сюжета, большими достоинствами, высоким мастерством исполнения... По мастерству передачи света, воздуха, пространства, по красоте цветовой лепки предметов, по общей гармонии красок, выдержанных в теплой гамме, этюд заслуживает высокой оценки". И сам В.В. Верещагин относил эти и другие работы "русской серии" 1888 г. к "мастерскому периоду" своего творчества.

И.А. Шляков был, безусловно, не единственным, но едва

ли не первым из ростовцев, кто имел возможность ознакомиться с этими выдающимися произведениями прославленного мастера. Скорее всего, именно он указал впервые приехавшему в Ростов Верещагину на деревянный храм 1687-1689 гг. в окрестностях города, одну из главных здешних достопримечательностей, поскольку деревянная церковная архитектура входила в круг тогдашних научных интересов Шлякова - незадолго до знакомства с художником Иван Александрович обращался к этой теме в своих публикациях.

По свидетельству современника, И.А. Шляков показывал Верещагину собственные рисунки, и они вызвали "одобрение знаменитого художника". Существует даже "совместное" их произведение - рисунок проекта иконостаса, сделанный Шляковым и "расцвеченный" акварелью Верещагиным (Мельник А. Неизвестное произведение художника В.В. Верещагина. "Ростовский вестник". 29 января 1999 г.). В своих письмах В.В. Верещагин, критикуя отдельные, по его мнению, художественные недостатки некоторых шляковских работ, вместе с тем, заинтересованно поддерживал перед ярославским губернатором А.Я. Фриде так и не осуществленный проект росписи Белой палаты Ростовского кремля, который был разработан Иваном Александровичем в 1886-1888-х гг. Рисунок И.А. Шлякова сейчас можно увидеть в Белой палате Ростовского кремля на выставке, посвященной 160-летию со дня его рождения.

Е. КИМ.

На снимках: 1. В.В. Верещагин. Фотография 1885 (?), подарена И.А. Шлякову. Ростовский музей; 2. В.В. Верещагин. "Иконостас церкви Иоанна Богослова на Ишне близ Ростова Ярославского". 1888 г. Русский музей. Окончание - в следующем выпуске.

О проповедях священников в ростовских церквях в конце XVIII - начале XIX века

Данная заметка имеет характер попутного наблюдения, сделанного при просмотре издания А.А. Титова "Рукописи славянские и русские, принадлежащие Действительному Члену Императорского Русского Археологического Общества И.А. Вахромееву" в 6 томах (выпусках). К сожалению, самих этих рукописей сейчас нет в нашем распоряжении, а краткое описание, составленное Титовым, содержит только перечень названий документов, из которых они составлены. Но и такая скудная информация иногда позволяет получить довольно полное представление о каких-то событиях и фактах.

Несколько больших по объему сборников из собрания И.А. Вахромеева, купленных им у наследников В.И. Лествицына, составлены из "Слов", произносившихся священниками и дьяконами городских приходских или сельских церквей по самым различным поводам: на праздники и к другим церковным событиям, при погребениях, на именины и бракосочетания членов царской фамилии, на день восшествия на престол, при заложении храма и т.д. Сам А.А. Титов также обратил свое внимание на эти сборники, и в одном из комментариев заметил: "Что же касается содержания найденных слов, то, согласно вековой практике, оно состоит в нравственном назидании слушателей. Конечно, некоторые высшие духовные лица обращали в слова свои внимание и на современные общественные вопросы и даже занимались обличениями; но это высоким лицам, часто облеченным доверенностью Монарха, было естественно, но оно было бы не к лицу и не безопасно для простого иеродиакона приписного уездного монастыря. Потому последний на кафедре церковной, оставляя всякую современность, занимался лишь учением веры и нравственности. А так как слушатели его очень мало были подготовлены к таким речам, то проповеднику, чтобы быть сколько нибудь понятным своим слушателям, приходилось о каждом предмете толковать много и долго".

Три таких сборника составлены полностью из "Слов" священников г. Ростова и Ростовского уезда с указанием названий церквей и имен священников (за 1789-1814 гг.). Составление текста и произнесение поучения в церкви было своеобразным способом повышения образования священников и дьяконов, и даже их нравственного воспитания. Об этом можно судить по выдержке из письма архиепископа ростовского Самуила Миславского к архимандриту Спасо-Яковлевского монастыря Авраамии Флоринскому: "До меня дошли неприятные вести о попе Тихоне (учитель ростовской семинарии). Видно, что

он человек нехорошего состояния, да слышу, что он и в классах бывает пьяной и поступает с учениками так, как бунуй прилично, и не так, как просвещение требует. Призвал его в консисторию, извольте его назначить на проповедь на 22 июля, пускай в праздности не провождает время".

Содержание поучений, очевидно, строго контролировалось и предписывалось соответствующими указами, названия которых также фигурируют среди описываемых А.А. Титовым документов, например: "Указ Священному Синоду 1817 г. октября 27 дня по поводу речей, произносимых духовными лицами", "Извлечение из Указа Священного Синода от 25 января 1821 г. относительно произнесения поучений в церквях", "Указ из консистории 1821 г. февраля 21 дня". На последнем указе имеется резолюция Преосвященного Филарета, в соответствии с которой опытным священникам разрешалось говорить без цензуры, но получив на то разрешение архиерея: "Кто имеет усердие говорить часто, тому дозволяется просить у архиерея позволение говорить без цензуры, которое заслужившему доверие и может быть дано с тем, чтобы сказанная без цензуры сочинения представляемы были после, куда назначено будет, для освидетельствования".

Каждый иерей должен был произносить поучения не только в своей приходской или сельской церкви, но, в порядке очереди, и в больших церквях, включая Успенский собор. Так, в одном из сборников имеется "Росписание, учиненное в Ростовском духовном правлении, кому и где говорить проповеди в ростовском соборе в 1795-1803 гг."

Итак, священникам православной церкви вменялась обязанность духовного окормления и нравственного воспитания своей паствы. Одним из способов такого окормления было произнесение в церкви проповедей, или "Слов" назидательного содержания, включающего также толкование основных положений Священного Писания. Текст такого поучения представлялся священником в определенную церковную инстанцию, где проходил строгую цензуру (кроме тех зарекомендовавших себя священников, которым с разрешения архиерея предоставлялось право говорить без цензуры). Одновременно это давало возможность управляющей верхушке епархии осуществлять контроль за деятельностью приходских и сельских священников, оценивать их способности и возможное продвижение в церковной иерархии.

Т. СУБОТИНА.

Ростовская бесплатная народная библиотека

Важным событием в жизни нашего города стало открытие 16 (3) сентября 1900 г. бесплатной народной библиотеки, на основании следующего свидетельства за № 1452 Ярославского губернатора от 30 июня 1900 г.: "совету общества для содействия народному образованию и распространению полезных знаний в Ярославской губернии открыть в г. Ростове бесплатную народную библиотеку-читальню под ответственность учителя Ростовского городского 4-классного училища надворного советника Василия Николаевича Волоцкого и под наблюдением учителя того же училища Павла Ершовского".

Из-за отсутствия специального помещения она размещалась в двух комнатах квартиры Ростовского уездного комитета попечительства о народной трезвости. При ней имелся читальный зал. Библиотека ежедневно была открыта для читателей, кроме среды, причем в будни на 5 часов, а в праздничные дни на 3 часа.

В 1904 г. в библиотеке насчитывалась 2791 единица книг и журналов на сумму в 2450 руб. 25 коп. Из них беллетристика составляла 1293 книги, литература религиозно-нравственного содержания - 321, по истории и биографии - 203, географии и этнографии - 146, естествознанию - 118, гигиене и медицине - 30, сельскому хозяйству и технике - 96, юридическим, общественным наукам и педагогике - 56, а также 528 журналов. В это время выпускались такие периодические издания, как Известия министерства земледелия и государственного имущества, Ремесленная газета, Русское чтение, Родина, Природа и люди, Вокруг света, Север, Нива, Русский паломник, Вестник трезвости, Бог помочь, Деревня, Детское чтение, Родник, Детский отдых, Юный читатель, Вспомы, Читальня народной школы, Садоводство, Новое время, Московские ведомости, Московский листок, Свет и Сельский вестник. Покупка книг в 1903-1904 гг. составила 52 руб. 25 коп., а периодических изданий - 132 руб. 95 коп.

Для упорядочения работы библиотеки в ней велась формулярная книга губернского земства, инвентарная и приходно-расходная книги, а для облегчения поиска необходимой литературы в библиотеке имелся систематический каталог. Впрочем, посещение "читальни", а также выдача книг и периодических изданий для пользования ими в читальном зале тогда еще не регистрировались. В библиотеке в то время был записан 1171 читатель (728 мужчин и 443 женщины). Средствами для комплектования библиотеки в 1904 г. являлись поступления от губернского земства - 50 руб., уездного земства - 120 руб., городской думы - 120 руб., членских взносов - 39 руб., уездного комитета попечительства о народной трезвости - 270 руб., от продажи старых газеты - 6 руб. 60 коп., итого 605 руб. 60 коп.

В состав правления библиотеки на правах заведующего входил учитель духовного училища и женской прогимназии Николай Константинович Волгин, а наблюдателем инспектор народных училищ 2-го участка был В.С. Преображенский. В этой библиотеке имелся штатный библиотекарь А.Ф. Рудакова, получавшая жалование 240 руб. в год, и помощница библиотекаря В.Я. Рунова с жалованием 150 руб. годовых. Примечательно, что городская управа ежегодно выделяла деньги для этой библиотеки в сумме 180 руб. в год, которые использовались на "жалование библиотекарше".

Для ведения разных кассово-хозяйственных дел при библиотеке была образована специальная комиссия в составе: Н.К. Волгина, А.Ф. Рудаковой, О.Н. Барашковой, В.И. Мальгиной, П.П. Костокова, П.О. Укке, А.Х. Оппель, Л.Я. Богданова, В.А. Титовой, В.П. Маклаковой, П.А. Демтрьков, П.Н. Полубояринова, о. Иоанна Ржевского и А.К. Волниной. С 1 января по 9 сентября 1904 г. эта комиссия собиралась 6 раз.

В "кратком отчете" библиотеки за этот год читаем: "Ростовская бесплатная библиотека-читальня обслуживает духовные нужды жителей города Ростова, преимущественно бедной части населения... Население города (общественные учреждения и частные лица) относятся к библиотеке с сочувствием... помогли библиотеке в материальных нуждах".

К 1 января 1916 г. библиотека уже имела 4890 экземпляров книг и журналов, а количество читателей составило 1226 человек, в т.ч. 567 мужчин и 659 женщин. По возрасту (включая и выбывших в 1915 г.) читатели распределены так: 581 человек - дети (до 13 лет включительно), 602 - подростки (14-17 лет), 742 - взрослые (18-50 лет) и 15 - старики (старше 50 лет). На этот год библиотекой были выпущены следующие журналы и газеты: Голос минувшего, Русские записки, Северные записки, Жизнь для всех в 2-х изд., Нива, Маяк, Семья и школа, Вспомы, Мирок, Проталинка, Юная Россия, Читал. народной школы, Русское слово, Голос, Русские ведомости, Русский паломник (присылался бесплатно).

В библиотечный совет тогда входили Федор Захарьевич Чембулов, Евгений Андреевич Морховец, Анатолий Константинович Траубенберг - учителя мужской гимназии, Юлия Ивановна Кривоногова, о. Александр Троицкий - протоиерей собора, Федор Осипович Жаров - служащий земской управы и Анастасия Федоровна Рудакова - зав. библиотекой, имевшая 15-летний стаж работы в этой библиотеке.

В 1915 г. библиотека размещалась в "здании от города при 1-м приходском училище" и открывалась ежедневно в будни на 6 часов, а в праздники на 3 часа. Средства библиотеки тогда составляли 773 руб. 15 коп. (от губернского земства 100 руб., уездного земства - 150 руб., городской управы - 255 руб., общества содействия народному образованию - 250 руб. 86 коп., пожертвований - 4 руб. 88 коп., и прочие поступления - 12 руб. 40 коп.).

К. СТЕПАНОВ.